

Мой дом, намоленный борщом,
Крещёный ветром и дождём,
Ковчег мой — как он постарел.
Ещё темнее стали брёвна
И дышит он трубой неровно.
Увы, и я — не «новодел».

Но мы ещё не старики
И наши годы — пустяки,
Хотя всё чаще в тишине
Мы, словно старые солдаты,
Лучами греемся заката
Спина к стене, стена к спине.

Ну, что же, можно жить и так,
Дышать с эпохой не в такт,
Цедя вишнёвое тепло,
И трезво размышлять о чуде —
Что было всё и то, что будет
Когда-то было и прошло,

Что промотал я в жизни сей
Всё, кроме памяти своей.
А этот дом — и дом-музей
Единственного экспоната,
И «сумасшедшая палата»,
И храм святой, и мавзолей.

* * *

Брезгливо губы искривя,
Склонившись над землёй,
Я стал разглядывать червя,
Разрубленного мной.

Лопате острой, как назло,
Червь точно поперёк
Лёг на пути. Не повезло.
Не лучший был денёк.

Но милостив червячий бог!
Очухавшись едва,
Хвост устремился на восток,
На запад — голова.

Всё поправимо — отрастут
И голова, и хвост.
Ну — станет два червя. Но тут
Вопрос не так уж прост.

Пусть червь и мал, но до небес
Стоит вопрос большой.
И будоражит интерес —
А что с его душой?

Что делать ей, когда она
Лопатой, с дури всей,
Напополам рассечена?
Что дальше будет с ней?

Что будет далее с моей,
Здесь на краю Земли,
Где я всего-то пару дней
От города вдали.

Когда жизнь зажмёт, словно в клещи,
Сердца, что устали любить —
Мы станем делить наши вещи,
Коль нечего больше делить.

До с трещинкой с боку бокала,
До вишни в домашнем вине —
Поделим весь скарб без скандала,
Сопя в гробовой тишине.

* * *

Давай зажжём огонь под ливнем звёзд
И помолчим на самой нежной ноте.
Пусть тихо звёзды гаснут на излёте,
Пусть еле слышно шелестит розог.

Из прошлых жизней знание одно
Я вынес, чтобы убедиться снова —
Что прежде, чем дано нам было слово,
Молчанье, всё же, было нам дано.

Давай от слов сегодня отдохнём.
Да и они от нас весьма устали.
Не скучно с ними было, но едва ли
Нам было, как сейчас, тепло вдвоём.

Слова, слова — как чёрный приворот,
Они пред белой магией молчанья
Беспомощно слабы. Твоё дыханье
Дыхание моё к себе завет.

Постой... Смотри — в огне, внутри его
Оранжевым мерцающим свеченьем
Встают бывшие наши отраженья.
Ужели ты не помнишь ни чего?

Ну, вспоминай же, вспоминай меня —
За тысячу веков до нашей эры
И ты, и я у каменной пещеры,
Вот так же молча, грелись у огня.

И ты и я — мы вечны. В этом суть.
На этой ли планете, иль соседней.
Пока дождями до звезды последней
Не истечёт над нами Млечный Путь.

* * *

Потом мы разделим квартиру
На два одиноких гнезда,
Вздохнём и расстанемся миром
На дни, на года, навсегда.

И, выйдя из этого ада,
Ты, сидя в отдельном раю,
Сама себе будешь не рада.
А я беспробудно запью.

То нищие грабят богатых,
То, в точности — наоборот.
То эти кругом виноваты,
То каются тем свой черёд.

Собратья безбожной державы,
Лихая братва во Христе.
Ни те и ни эти не правы.
Не правы ни эти, ни те.

И, если когда-нибудь, третьи
В извечный, вдруг, ввяжутся спор,
То будут не правы и эти.
И кончим на том разговор.

Есть дело куда поважнее,
Чем мерить чужую вину —
Подняться с земли и над нею
Измерить свою вышину.

И к планке, под небом висячей,
Где нет и ни этих, ни тех,
Взлететь, иль уплыть по-собачьи,
Отчаянно веря в успех.

Пока моё солнце не село
Я должен набрать высоту,
До края мечты, до предела
И камнем упасть за черту.

Рожденье утра. Самое начало.
Выплёскиваясь за края земли,
Штормит туман и тридевятым валом
Невидимые топит корабли.

Я всматриваюсь в сизые потёмки
И мне под ноги из ночных глубин
Кусты, вдруг, выплывают, как обломки
Разбившихся «летучих» бригантин.

Наверное, художнику со стажем,
Коль он не загуляет у друзей,
Для этого нехитрого пейзажа
Немного нужно красок и кистей.

А я принёс с собой, на всякий случай,
Всё, что скопил и у меня внутри
И рифмы, и метафоры, и кучей
Навалены тугие словари.

Мне этого хватало на закате,
Но правда жизни ныне такова,
Что все слова земные здесь нехстати.
Нужны другие — лунные слова.

Я их не знаю. Может, знал когда-то,
Но все забыл. Как волны высоки!
Я перед ними буду виноватым
Всю жизнь свою. До гробовой строки.

БАБОЧКИ

Как эльфы, как листья заката,
В волшебный опавшие срок,
Они «уплывают» куда-то,
Порхая с цветка на цветок.

Пожалуй, их пращурь были
Куда как мудрее моих,
Поскольку они окрылили
Далёких потомков своих.

Дано им не так уж и мало.
Но прежде, чем стали летать
И ели они что попало,
И ползали слизням под стать.

Как тесно сплелись корни жизнью,
Во всём я себя узнаю —
И ползаю, этаким, слизнем,
И ем что попало, и пью.

Ни что не воздастся задаром.
И плата сегодня вдвойне
За каждую каплю нектара,
Что будет отпущена мне.

Надеюсь, идёт всё по плану
И точно в назначенный срок
Я лёгкою бабочкой стану,
Летающей на жаркий цветок.

ЗВЕРЯМ И ПТИЦАМ

Наступит день и колесо прогресса
Я закачу как можно глубже в лес.
Пусть бурлят глубинные процессы —
Я к ним давно утратил интерес.

Всё — круг. Всё — обод. Хоть разбейся
в доску —
Всё будешь той же спицей в колесе.
Расплющу глобус и пойду по плоской
Равнинной среднерусской полосе.

Пока не вьются из бетона гнезда,
И писк, и рык не обратились в речь,
Ещё есть время, и ещё не поздно
Суметь сказать, успеть предостеречь:

«Час пробил на космических курантах —
Уходим мы. Уже в который раз.
И, как она забыла об атлантах,
Земля забудет вскоре и о нас.

А вы ходите, ползайте, летайте,
Меняйте облик свой и адреса,
Но никогда огня не добывайте
И не изобретайте колеса».

СВЕЧА

Ввысь указующим перстом,
Стоит свеча перед Христом,
И восковая белизна
Огнём святым освещена
Едва ли больше чем на треть.
Вот золото огня на медь
Меняет медленно она.
И вот уже свеча темна,
Как будто бы от света в ней
Укрылась тысяча теней.
И ни они ли так коптят,
Когда в огне свечи горят?
Вот тьма и свет напололам
В полу-свече. Не я ли сам
Свече подобно восковой,
Копчу — ни мёртвый, ни живой,
И тьма и свет, и срам и храм
Внутри меня напололам.
Полувысоты, полудаль...
Как, всё же, бесконечно жаль,
Что перед самым лишь концом
Свеча светла перед творцом.

БОЖЬЯ КОРОВКА

Точками, чёрною краской
Красный забрызган наряд.
Птицы косятся с опаской,
Птицы таких не едят.

В ней и души-то — пылинка,
Да и сама — на клевок.
Божья коровка — скотинка,
Доит которую Бог.

Он мог создать её разной,
Но в этой жизни земной
Надо казаться опасной,
Странною и не съестной.

Ловко придумано, тонко.
Но, если вскрыется тут —

Не поглядят чья «бурёнка»,
Просто возьмут и склюют.

Жизнь так устроена — ты ли
Чьих-то напьёшься кровей,
Жертву себе выбрав, или
Кто-то напьётся твоей.

Спрятал лицо я под маской,
Дерзкий одел я наряд.
Люди косятся с опаской.
Люди таких не едят.

Душно под лживую кожей,
Но если снять её — тут
Не поглядят что раб божий,
Просто возьмут и сожрут.

Нам теперь вспоминать о былом,
 Что пустыми трясти кошельками.
 Ни ромашками, ни васильками —
 Поросло всё колючим бильём.

«Жили-были» — за присказкой той
 Ни чего нет — ни сказки, ни басни.
 Я Елену нашёл попрекрасней,
 Ты дворец обрела золотой.

Что ж, рассказывай мне про дела,
 Что живёшь и богато, и сыто,
 Что разбитое в щепки корыто
 Даже в самый мороз не сожгла.

Что же хочешь ты? Сказку? Её
 Не сложили мы как подобает,
 И уже губы не обжигает
 Мне горячее имя твоё.

Нет, никто из нас не был лжецом.
 Просто разных мы сказок герои
 И в одной нам встречаться не стоит —
 Эта сказка с печальным концом.

В моём меню деликатесов нет —
 Мой рацион до крайности заужен.
 Я — каннибал. Точнее — самоед.
 Я завтрак сам себе, обед и ужин.

Как короед кору, как шубу моль,
 Я изнутри себя же пожираю.
 И после восемнадцати ноль-ноль,
 Диетам вопреки, не голодаю.

Зачем я это делаю, когда
 Всегда есть те, которые не против,
 Не ведая ни чести, ни стыда,
 Отведать и души чужой, и плоти.

Но ни укусов их и ни щипков
 Не надо мне, ни яда их не надо.
 Во мне своих достаточно клыков.
 Во мне довольно собственного яда.

Я как никто себя — и ем, и ем,
 С азартом полуодичавшей шавки.
 Когда-нибудь я съем себя совсем
 И, не наевшись, попрошу добавки.

* * *

Где эта мудрость вековая?
 Должна же где-то быть она.
 Где эта чаша, что до края
 На всё ответами полна?

Где эти вечные заветы,
 Что в камне выбиты мечом?
 Одни народные приметы,
 Что не сбываются ни в чём.

Где то наследство, этот опыт,
 Точённый рашпилем веков?
 Он где-то рядом, или пропит
 В табачном чаде кабаков?

В чём высший смысл существованья?
 Владеть деньгами и людьми,

Иль быть песчинкой мирозданья?
 В чём мудрость жизни, чёрт возьми?!

А, может, не было на свете
 Тех пресловутых мудрецов,
 И в головах всё тот же ветер
 Гулял у наших праотцов?

Куда идти? К каким истокам?
 Каких послушать стариков?
 Каким довериться пророкам?
 Каких приветствовать волхвов?

Нет ни оракулов, ни старцев,
 И Дон Кихот давно не в счёт.
 Из бездны в бездну между пальцев
 Жизнь немудрёная течёт.

ЭЛЬДОРАДО

Не ломаю ни дров и ни копий
Я в бессмысленных спорах. Давно
Не ищущи соломонины копи,
Не краду золотое руно.

Не хочу верить ни в Атлантиду,
Ни в любой долгосрочный прогноз,
Ни, в сошедшую с неба, планиду,
Ни в зелёных пришельцев со звёзд.

Что мне ценности скрытого клада,
Что мне в Шамбалу двери, когда —
За окошком моим Эльдорадо,
И не надо идти ни куда.

* * *

Может, где-то они и бывают,
Удивляют и, даже, пугают.
А у нас хоть бы, камень какой
Прилетел с неба явленным чудом.
Ничего — ни туда, ни оттуда.
Всё вокруг — тишина да покой.

Ни чудес нет и ни откровений.
Обрывает лишь ветер осенний
С растопыренных веток листы.
На развалинах Гипербореи
Незатейливы наши затеи
И бесплодны, хотя и чисты.

Мы не ждем от небес монолога.
Нам и нужно всего-то немного —
Или весть, или знак — всё равно —
Что о нас в небесах не забыли,
Что не бросили, не разлюбили,
Пусть самим нам любить не дано.

Но на небе ни вести, ни знаки —
Только яркие вспышки во мраке.
Что оттуда летит, что туда,
Что бывает и что не бывает
Всё дотла в атмосфере сгорает,
За собой не оставив следа.

Ни лететь, и ни ехать не надо,
Ни богатств не искать, ни наград.
Что желать королю Эльдорадо
В золотой за окном листопад?

Где ещё, за какими морями,
Я нашёл бы такую страну,
Где по саду тугими ветрами
Королевскую носит казну?

За окошком моим — Эльдорадо,
За окошком моим — листопад.
По безлюдью эдемского сада
Листья с древа познания летят.

ФАТА-МОРГАНА

А новости одна другой не слаще.
Стал замечать я то, что раза в три,
В последние лет двадцать, стал я чаще
Настенные менять календари.

Как будто время, ужасом объято,
Дорогу наспех датами столбя,
От самого себя бежит куда-то
И всё не может скрыться от себя.

И для него не важно кто ты, где ты —
Оно летит неведомо куда.
И стелются за ним, как хвост кометы,
«Лихие девяностые» года.

Лишь иногда, не контурно, не ясно
На миг надежда вспыхнет вдоль пути...
И крикнуть бы: «Мгновенье,
ты прекрасно!

Остановись!» Но миг уж позади.

И снова мир летит, как окаянный,
От скорости своей впадая в раж.
И, вырываясь из фата-морганы,
В очередной врывается мираж.

Смотрю на эпоху и, словно, впервые
Она предстает предо мной —
И люди чужие, и деньги другие,
Сам воздух — и тот не такой.

Как это случилось, что будто из комы
Я вышел полжизни спустя?
По городу, что был когда-то знакомым,
Иду гололёдом хрустя.

Ищу я кого-то, иль это в привычке —
Бесцельно бродить перед сном?
Не помню. На стенах читаю таблички.
Названья молчат о былом.

В карманы втыкаю озябшие руки.
Как эры ушедшей шпион,
Хочу уловить я сакральные звуки
В звучании новых времён.

Пытается ветер свить пыльную вьюгу,
Рекламной растяжкой звеня.
И лешим век новый всё водит по кругу,
Морочит и мучит меня.

Что есть — не моё. А что было — забыто.
Но мне всё слышней и слышней
Как бьют по бетонной брусчатке копыта
Монголо-татарских коней.

ТЕНИ

То справа налево, то слева направо,
Скрипя раздражённо цепочкою ржавой,
Фонарь над колодцем, всю ночь напролёт,
Качается в бездне осенней и тени
Здесь живших задолго до нас поколений
Блуждают за светом — то взад, то вперед.

И в этом блуждании их монотонном
Нет смысла земного. Слежу отрешённо
За жуткой картиной. Нет страха во мне
И странным не кажется шествие это.
Я сам на закате отрёкся от света,
Шагнув за черту. Я на их стороне.

На вечную жизнь я иллюзий не строю —
Что будет со всеми, то будет со мною.
Но больше, чем знать, мне сегодня дано.
То справа налево, то слева направо
Качается Вечность. Не ради забавы
Сегодня в неё распахнул я окно.

Смотрю на пути, что петляют и рвутся,
На тени людей, что навек остаются
Меж нами живыми по-своему жить,
Встречаться, как это велось и ведётся,
Лишь спустятся сумерки, возле колодца.
Здесь родина. Некуда им уходить.

И мне, почему-то, ни горько, ни больно,
А как-то в душе непривычно спокойно
За то, что я с жизнью своей, может быть,
Сегодня лишь только пришёл к примиренью
И пылью дорожной готов стать и тенью.
Мне некуда с этой земли уходить.